

T-53

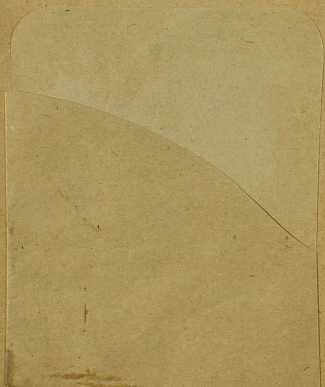
Л. ТОЛСТОЙ

РАССКАЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

А. Кошаров.

ДЕТГИЗ 1943

Ш

T-53

T-53

Л. Н. ТОЛСТОЙ

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

РИСУНКИ
Т. ЗВОНАРЕВОЙ и А. КОМАРОВА

23050
25291

47

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ИИ РСФСР
МОСКВА 1918 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Кавказский пленник	3
Магнит	31
Прыжок	34
Акула	36
Как гуси Рим спасли	38
Яблоныя	39
Как ходят деревья	40
Отчего в морозы трещат деревья	42
Какая бывает роса на траве	43
Куда девается вода из моря	—
Чутье	45
Сырость	48
Солнце — тепло	49
Русак	52
Зайцы	54
Охота пуше неволи (<i>Рассказ охотника</i>)	56
Булька	65
Булька и кабан	66
Фазаны	69
Мильтон и Булька	71
Черепаша	72
Булька и волк	74
Что случилось с Булкой в Пятигорске	77
Конец Бульки и Мильтона	79

696132 *кхр мд*
Российская государственная
детская библиотека

для начальной школы

Ответственный редактор *В. Гижина.*

Подписано к печати 10 IX 1943 г. 5 печ. л. (4,2 уч.-изд. л.), 33280 экз. в печ. л.
Тираж 50 000 экз. Л69238. Заказ № 3752. Цена 2 руб.

Фаб. ика детской книги Детгиза Наркомпресса РСФСР, Москва, Суцесский
вал, 49.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

I

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло ему раз письмо из дома. Пишет ему старуха-мать: «стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле плоха уж старуха стала, может и не придется увидеть. Поехать; а если невеста хороша — и жениться можно».

Пошел он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, и телега его с вещами шла в обозе.

Ехать было 25 верст. Обоз шел тихо: то солдаты останавливаются, то в обозе колесо у кого соскочит или лошадь станет, и все стоят — дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошел. Пыль, жара, солнце так и печет, и укрыться негде. Голая степь: ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперед, остановился и ждет, пока подойдет к нему обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли — опять стоять. Жилин и подумал: «а не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, — если и нападусь на татар, ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьем, и говорит:

— Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. — А Костылин мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льет. Подумал Жилин и говорит:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, так поедем. Только уговор — не разъезжаться.

И поехали они вперед по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, вошла дорога промеж двух гор в ущелье. Жилин и говорит:

— Надо выехать на гору поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

— Что смотреть? Поедем вперед. — Жилин не послушая его.

— Нет, говорит, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотничья (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, — глядь, а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами. Человек тридцать. Он увидел, стал назад поворачивать; и татары его увидели, пустились к нему, сами на скаку выхватывают

ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

— Вынимай ружье! — а сам думает на лошадь на свою: «матушка, вынеси, не зацепись ногой; спотыкнешься — пропал. Доберусь до ружья, я им не дамся».

А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидал татар, закатился что есть духу к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит — дело плохо. Ружье уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад, к солдатам — думал уйти. Видит, ему наперерез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми еще добрее, да и наперерез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь — не удержит, прямо на них летит. Видит — близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружье наготове.

«Ну, — думает Жилин, — знаю вас, чертей: если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой...»

А Жилин хоть не велик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «либо лошадыю сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин — выстрелили по нем сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху. Навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нем два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, — да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с седел подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, все обшарили — деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами, до земли не достает; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь черная, на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать,— она все бьется; он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепенулась — и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие посадили Жилина к нему на седло, а чтобы не упал, притянули его ремнем за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татаринoм, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собою здоровенную татарскую спину да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синеется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго на гору, переехали в брод реку, выехали на дорогу и поехали ложиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться: переехали еще речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки. Приехали в аул¹. Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришел ногаец, скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принес работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте помягче где и лег.

II

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит — в щелке светиться стало. Встал Жилин, раскопал щелку побольше, и стал смотреть.

Видна ему из щелки дорога, под гору идет, направо

¹ Аул — татарская деревня.

сакля татарская, два дерева подле ней. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит, из-под горы идет татарка молоденькая, в рубахе цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведет бритого, в одной рубашонке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете в шелковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бородку красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп¹ мокрый. Выбежали еще мальчишки бритые в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щелку. Жилин как ухнет на них. Завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло. Думает: хоть бы пришли проведать. Слышит — отпирают сарай. Пришел красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза черные, светлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена. Лицо веселое, все смеется. Одет черноватый еще лучше: бешмет шелковый, синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие, толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошел, проговорил что-то, точно ругается, и стал, облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый — быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит — подошел прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищелкивает. Все приговаривает: «корошо урус! корошо урус!»

¹ Храп — у лошади средняя и нижняя части переносья.

Ничего не понял Жилин и говорит: «пить, воды пить дайте».

Черный смеется. «Корош урус», все по-своему лопочет. Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка, тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже глаза черные, светлые и лицом красивая. Одета в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах оторочено красным. На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками, на шее монисто, все из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, и в косе лента, а на ленте привешены бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьет, как на зверя какого.

Подад ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает, смотрит.

Ушли татары, заперли опять двери. Погода немного приходит к Жилину ногаец и говорит:

— Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит итти куда-то.

Пошел Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногойцем. Видит, деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шел Жилин. Сам смеется, все говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Пришел Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. В передней стене пуховики пестрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах

ружья, пистолеты, шашки — все в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные, и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское — буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил черный, велел посадить Жилина к сторонке, не на ковер, а на голый пол; залез опять на ковер, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядком, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам, смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули во все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

— Тебя, говорит, взял Кази-Мугамед, — сам показывает на красного татарина, — и отдал тебя Абдул-Мурату, — показывает на черноватого. — Абдул-Мурат теперь твой хозяин.

Жилин молчит. Заговорил Абдул-Мурат и все показывает на Жилина, и смеется, и приговаривает: «солдат, урус, урус, корошо». Переводчик говорит: «он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит».

Жилин подумал и говорит:

— А много ли он хочет выкупа?

Поговорили татары; переводчик и говорит:

— Три тысячи монет.

— Нет, — говорит Жилин, — я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину — все думает, что он поймет. Перевел переводчик, говорит: «сколько же ты дашь?» Жилин подумал и говорит: «500 рублей». Тут татары заговорили часто, все

вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут.

А красный только жмурится да языком пощелкивает. Замолчали они, переводчик говорит:

— Хозяину выкупа мало 500 рублей. Он сам за тебя 200 рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх, — думает Жилин, — с ними что робеть, то хуже». Вскочил на ноги и говорит:

— А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак.

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил черный, подошел к Жилину:

— Урус, говорит, джигит, джигит урус!

Джигит по-ихнему значит «молодец». И сам смеется; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

— Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своем: «больше 500 рублей не дам. А убьете — ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришел работник, и идет за ним человек какой-то, высокий, толстый, босиком и ободранный; на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин. Узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружье осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит. Перевел переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги даст, того прежде отпустят.

— Вот, — говорит Жилину, — ты все серчаешь, а товарищ твой смирный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин и говорит:

— Товарищ как хочет, он, может, богат, а я не богат. Я, — говорит, — как сказал, так и будет. Хотите — убивайте, пользы вам не будет, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумаги лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погоди еще, — говорит Жилин переводчику, — скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел, обул как следует, чтоб держал вместе, нам веселее будет, и чтобы колодку снял. — Сам смотрит на хозяина и смеется. Смеется и хозяин. Выслушал и говорит:

— Одежу самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду как князей. А коли хотят жить вместе, пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять, — уйдут. На ночь только снимать буду. — Подскокил, треплет по плечу: — твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал, — чтобы не дошло. Сам думает: «я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно — с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

III

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин все смеется: «твоя, Иван, хорош, — моя, Абдул, хорош». А кормил плохо — только и давал что хлеб пресный из просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тесто непеченое.

Костылин еще раз писал домой, все ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет; или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдет, а другого не писал.

«Где, — думает, — матери столько денег взять за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться в конец; бог даст — и сам выберусь».

А сам все высматривает, выпытывает, как ему бежать.

Ходит по аулу, насвистывает, а то сидит, что-нибудь рукодельничает — или из глины кукол лепит, или плетет плетенки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами, и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу. Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидела куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подает им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушел в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

На утро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает как ребенка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, еще лучше, отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думал — вода, а там молоко. Выпил он молоко. «Хорошо», говорит. Как взрадуется Дина!

— Хорошо, Иван, хорошо! — и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшинчик и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах. Так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки. Где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал. Принесли ему девчонки лоскутков, одел он кукол: одна — мужик, другая — баба;

утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щелкают:

— Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щелкает. Жилин говорит:

— Давай, почию.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принес ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать — взял: и то годится покрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать; кто замок на ружье или пистолет починить принесет, кто часы. Привез ему хозяин снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: «авось поздоровеет сам». Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татарах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары призывали к нему, когда нужно, кличут: Иван, Иван; а которые все как на зверя косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернется, либо обругает. Был еще у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин, только когда он в мечеть проходил богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано. Бородка и усы подстрижены, белые, как пух, а лицо сморщенное и красное, как кирпич; нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые, и зубов нет, только два клыка. Идет бывало в чалме¹ своей, костылем подпирается, как волк озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернется.

Пошел раз Жилин под гору посмотреть, где живет

¹ Чалма — головной убор у магометан из белого полотна, намотанного на шапку.

старик. Сошел по дорожке, видит — садик, ограда каменная, из-за ограды черешни, шепталы и избушка с плоской крышкой. Подошел он поближе, видит — ульи стоят плетеные из соломы, и пчелы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше посмотреть и загремел колодкой. Старик оглянулся — как визгнет, выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришел старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеется и спрашивает:

— Зачем ты к старику ходил?

— Я, говорит, ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живет. — Передал хозяин.

А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина. Жилин не понял всего, но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушел старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

— Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и 8 сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца; нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку богу молиться, от этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, — я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. — Смеется, сам приговаривает по-русски: «твоя, Иван, хорош, — моя, Абдул, хорош!»

IV

Прожил так Жилин месяц. Днем ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было копать от камней, да он подпилком камни тер, и прокопал он под стеной

дыру, что впору пролезть. «Только бы, — думает, — мне место хорошенько узнать, в какую сторону итти. Да не сказывают никто татары».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошел после обеда за аул, на гору. Хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказывал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

— Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

— Я, говорит, далеко не уйду — только на ту гору поднимусь, мне траву нужно найти — ваш народ лечить. Пойдем со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору — не далеко, а с колодкой трудно; шел, шел, насилиу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни за сарай лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора, еще круче; а за той горой еще гора. Промеж гор лес синеется, а там еще горы — все выше и выше поднимаются. А выше всех, белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат всё такие же горы, кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну, думает, это все ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке — как куклы маленькие, видно — бабы сидят, полоскают. За аулом пониже гора и через нее еще две горы, по ним лес; а промеж двух гор синеется ровное место, и на ровном месте далеко-далеко точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит — там точно, в этой долине, должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых — алые; в черных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться — маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самая крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно — мулла¹ прокричал. Стадо гонят — коровы ревут. Малый все зовет: «пойдем», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну, — думает Жилин, — теперь место знаю, надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были темные, — ущерб месяца. На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они — гонят с собой скотину и приезжают веселые. А на этот раз ничего не пригнали и привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мертвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах рядком, а сзади их еще татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

— Алла! (значит бог). — Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся.

Опять поднял голову мулла:

— Алла! — и все проговорили: «Алла!» и опять замолчали. Мертвый лежит на траве — не шелохнется, и они сидят как мертвые. Не шевельнется ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принесли к яме; яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого под мышки да под лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Притащил ногаец камышу зеленого, заклали камышом яму, живо засыпали землей, сравняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилкой. Долго молчали.

— Алла! Алла! Алла! — Вздохнули и встали.

¹ Мулла — магометанский священник. Утром, в полдень и вечером мулла с высокой башенки — минарета — громкими возгласами призывает к молитве всех магометан.

Роздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошел домой.

На утро видит Жилин — ведет красный кобылу за деревню, и за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, — ручки здоровые, — вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошел рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать, кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузы пили — покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек десять, и красный поехал; только Абдул дома остался. Месяц только народился — ночи еще темные были.

«Ну, — думает Жилин, — нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

— Да как же бежать, мы и дороги не знаем.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдем в ночь.

— А не дойдем — в лесу переночуем. Я вот лепешек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо — пришлют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые, за то, что ихнего русские убили. Поговаривают — нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

— Ну, пойдём!

V

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть; и сидят они — ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была пестрая собака. И злая-презлая; звали ее Уляшин. Жилин уже наперед прикормил ее. Услыхал Уляшин, забрехал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин

чуть свистнул, кинул лепешки кусок, — Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли: «гаить! гайть, Уляшин!»

А Жилин за ушами почесывает Уляшина. Молчит собака, трется ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло все, только слышно, овца перхает в закуте да низом вода по камешкам шумит. Темно, звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц покраснелся, кверху рожками заходит. В лощинах туман как молоко белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «ну, брат, айда!»

Тронулись, только отошли, слышат — запел мулла на крыше: «Алла, Бесмилла! Ильрахман!» Значит — пойдет народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдет. Опять затихло.

— Ну, с богом! — Перекрестились, пошли. Пошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли ложиной. Туман густой да низом стоит, а над головой звезды виднешеньки. Жилин по звездам примечает, в какую сторону итти. В тумане свежо, итти легко, только сапоги неловки, стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошел босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звезды поглядывает. Стал Костылин отставать.

— Тише, говорит, иди; сапоги проклятые — все ноги стерли.

— Да ты сними, легче будет.

Пошел Костылин босиком — еще того хуже: изрезал все ноги по камням и все отстает. Жилин ему говорит:

— Ноги обдерешь — заживут, а догонят — убьют, хуже.

Костылин ничего не говорит, идет, побряхтывает. Шли они низом долго. Слышат — вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

— Эх, говорит, ошиблись мы — вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо да влево, в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, у меня ноги в крови все.

— Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад и влево в гору, в лес.

Костылин все отстает и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам все идет.

Поднялись на гору. Так и есть — лес. Вошли в лес, по колючкам изодрали все платье последнее. Напали на дорожку в лесу. Идут.

— Стой! — Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало как лошадь и остановилось. Тронулись они, опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге — стоит что-то: лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека непохоже. Фыркнуло — слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку, — как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломает.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеется, говорит:

— Это олень. Слышишь, как рогами лес ломит. Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уж высожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли — не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих верст десять еще будет, а приметы верной нет, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

— Как хочешь, а я не дойду: у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

— Нет, — говорит, — не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

— Так я же один уйду, прощай.

Костылин вскочил, пошел. Прошли они версты четыре. Туман в лесу еще гуще сел, ничего не видать перед собой, и звезды уж чуть видны.

Вдруг слышат — впереди топает лошадь. Слышно — подковами за камни цепляется. Лег Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

— Так и есть, сюда, к нам, конный едет!

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит — верховой татарин едет, козову гонит. Сам себе под нос мурлычит что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

— Ну, пронес бог; вставай, пойдем.

Стал Костылин вставать и упал.

— Не могу, ей-богу, не могу, сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, — он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

— Ой, больно!

Жилин так и обмер.

— Что кричишь? Ведь татарин близко, услышит. — А сам думает: «он и вправду расслаб, что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

— Ну, говорит, вставай, садись на закорки — снесу, коли уж итти не можешь.

Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

— Только, говорит, не дави ты меня руками за глотку ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин — едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил — не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

— Ну, — говорит Жилин, — пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню. Коли не уйдем версты три — пропали. — А сам думает на Костылина: «и чорт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел».

Костылин говорит:

— Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

— Нет, не пойду: не годится товарища бросать.

Подхватил опять на плечи, попер. Прошел он так с

версту. Все лес идет, и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали. Не видать уж звезд. Измучился Жилин.

Пришел у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

— Дай, говорит, отдохну, напьюсь. Лепешек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилег он пить, слышит — затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат — голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравливают. Слышат — трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезут и татары — тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеется и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плетками бьют их, визжат.

Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришел. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят — надо их дальше в горы услать, а старик говорит: «надо убить». Абдул спорит, говорит: «я за них деньги отдал. Я за них выкуп возьму». А старик говорит: «ничего они не заплатят, только беды наделают. И грех русских кормить. Убить — и кончено».

Разошлись. Подошел хозяин к Жилину, стал ему говорить:

— Если, говорит, мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас заporю. А если затеешь опять бежать, я тебя как собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши.

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти — и спустили их в эту яму.

Житье им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непеченое, как собакам, да в кувшине воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всем теле стала, и все стонет или спит. И Жилин приуныл: видит — дело плохо. И не знает, как выдраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает об вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак: думает: «как придет Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин — затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, и догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит — зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки. Вынула из рукава две сырые лепешки, бросила ему.

Жилин взял и говорит:

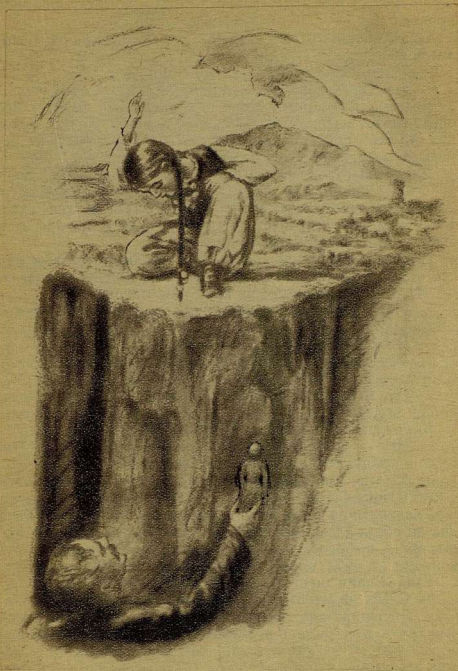
— Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На, вот! — Стал ей швырять по одной, а она головой молотает и не смотрит.

— Не надо! — говорит. Помолчала и посидела и говорит: — Иван, тебя убить хотят. — Сама себе рукой на шею показывает.

— Кто убить хочет?

— Отец, ему старики велят, а мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

— А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, что «нельзя». Он сложил руки, молится ей.

— Дина, пожалуйста. Динушка, принеси.

— Нельзя, — говорит, — увидят, все дома. — И ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «что будет?» Все поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не восходил. Мулла прокричал, затихло все. Стал уже Жилин дремать, думает: «побойтся девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась, глянул кверху — шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил; шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх: звезды высоко в небе блещут, и над самой ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет:

— Иван, Иван! — А сама руками у лица все машет, что «тише, мол».

— Что? — говорит Жилин.

— Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

— Ну, Костылин, пойдем, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слышать не хочет.

— Нет, — говорит, — уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться сил нет?

— Ну, так прощай, не поминай лихом. — Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать и полез. Раза два он обрывался, — колодка мешала. Поддержал его Костылин, — выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

— Снеси на место, Дина, а то хватятся, — прибьют тебя. — Потасила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок с колодки выворачивать. А замок крепкий, никак не собьет, да и неловко. Слышит — бежит кто-то с горы, легко попрыгивает.

Думает: «верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

— Дай, я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутики, ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит, налево за горой зарево красное загорелось. Месяц встает. «Ну, — думает, — до месяца надо лощину пройти, до леса добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке, да надо итти.

— Прощай, — говорит, — Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина, шарит по нем руками, ищет, куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

— Спасибо, — говорит, — умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? — И погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте, слышно, монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не бренчал, пошел по дороге, ногу волочит, а сам все на зарево поглядывает, где месяц встает. Дорогу он узнал. Прямоком итти верст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешел он

речку; побелел уже свет за горой. Пошел ложиной, идет, сам поглядывает: не видать еще месяца. Уж зарево по-светлело и с одной стороны ложины все светлее, светлее становится. Ползет под гору тень, все к нему приближается.

Идет Жилин, всё тени держится. Он спешит, а месяц еще скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор — бело, светло, совсем как днем. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам; как вымерло все. Только слышно, внизу речка журчит.

Дошел до лесу, — никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепёшку съел. Нашел камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошел по дороге. Прошел с версту, выбился из сил — ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, — думает, — буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветет, лягу в лесу, переднюю, и ночью опять пойду».

Всю ночь шел. Только попались два татарина верхами, да Жилин издали их услышал, схоронился за дерево.

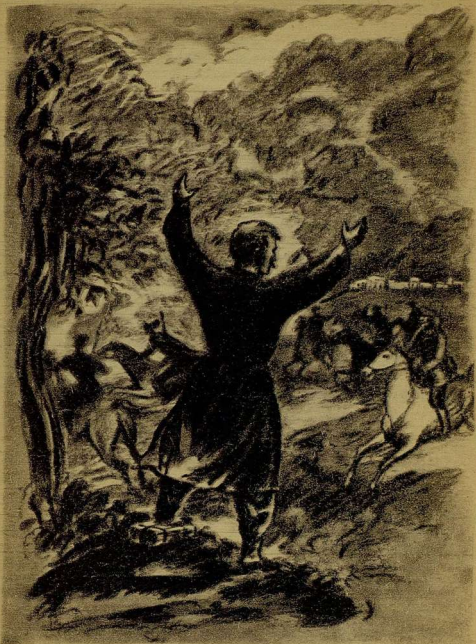
Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошел. «Ну, — думает, — еще тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошел 30 шагов, видит — лес кончается. Вышел на край — совсем светло; как на ладонке перед ним степь и крепость, и налево, близехонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется, и люди у костров.

Вгляделся, видит: ружья блестят — казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошел под гору. А сам думает: «избави бог тут, в чистом поле, увидит конный татарин: хоть близко, а не уйдешь».

Только подумал — глядь: налево на бугре стоят трое татар, десятины на две. Увидали его, пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши. Выскочили казаки верховые, пустились к нему — наперерез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары, — не доезжаячи стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: «кто он, что за человек, откуда?» А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

— Братцы! братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина — кто ему хлеба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним все дело было, и говорит:

— Вот и домой съездил, женился! Нет, уж видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только еще через месяц выкупили за 5000. Еле живого привезли.

МАГНИТ

Встарину был пастух; звали его Магнис. Пропала у Магниса овца. Он пошел в горы искать. Пришел на одно место, где одни голые камни. Он пошел по этим камням и чувствует, что сапоги на нем прилипают к этим камням. Он потрогал рукой — камни сухие и к рукам не липнут. Пошел опять — опять сапоги прилипают. Он сел, разулся, взял сапог в руки и стал трогать им камни.

Тронет кожей и подошвой — не прилипают, а как тронет гвоздями, так прилипнет.

Была у Магниса палка с железным наконечником. Он тронул камень деревом — не прилипает; тронул железом — прилипло так, что отрывать надо.

Магнис рассмотрел камень — видит, что похож на железо, и принес куски камня домой. С тех пор узнали этот камень и прозвали его магнитом.

Магнит находят в земле с железной рудой. Там, где есть магнит в руде, и железо самое лучшее. Из себя магнит похож на железо.

Если положить кусок железа на магнит, то и железо станет притягивать другое железо. А если положить стальную иголку на магнит да подержать подольше, то иголка делается магнитом и станет к себе притягивать железо. Если два магнита сводить концы с концами, то одни концы будут отворачиваться друг от друга, а другие будут сцепляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополам, то опять каждая половинка будет с одной стороны цепляться, а с другой отворачиваться. И еще разруби — то же

будет, и еще руби сколько хочешь — все то же будет: одинаковые концы будут отворачиваться, разные цеплять ся, как будто с одного конца магнит выпирает, а с друго-го втягивает. И как его ни разломи, все с одного конца он будет выпирать, а с другого втягивать, все равно как еловую шишку: где ни разломи, все будет с одного конца пупом, а с другого чашечкой. С того ли, с другого ли конца — чашечка с пупом сойдется, а пуп с пупом и ча-шечка с чашечкой не сойдутся.

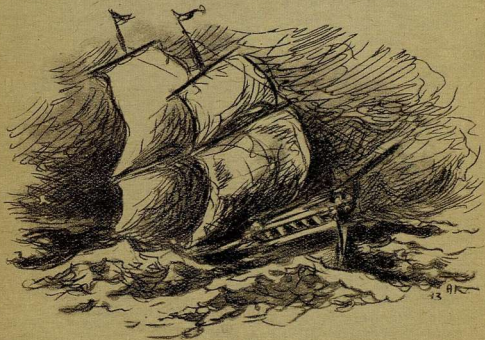
Если намагнитить иголку (подержать подольше с маг-нитом) и насадить ее серединкой на шпенек так, чтобы она ходила вольно на шпеньке, то как хочешь верти магнитную иголку, какпустишь — она станет одним кон-цом на полдень (юг), другим на полночь (север).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Как выйдут далеко в море, что земли не видать, то только по солнцу и по звездам и знали, куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звезд, то и не знают сами, куда плыть. А корабль несет ветром и занесет на камни и разобьет.

Пока не знали магнита, не плавали по морям вдаль от берега; а когда узнали магнит, то сделали иголку магнитную на шпеньке, чтобы она вольно ходила. По этой иголке и стали узнавать, в какую сторону плывут. С магнитной иголкой стали ездить дальше от берегов, и с тех пор много новых морей узнали.

На кораблях всегда бывает магнитная иголка (компас) и есть мерная веревка с узлами на конце корабля. И веревка приделана так, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проехал.

Так что когда плывут на корабле, всегда знают, на каком теперь месте корабль, далеко ли от берега и в какую сторону.

ПРЫЖОК

Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему, или сердиться.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на нее, но она еще злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по веревке на первую перекладину; но обезьяна еще ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась еще выше.

— Так не уйдешь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше.

Обезьяна опять подманила его, полезла еще выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так

обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за веревку, повесила шляпу на край последней перекладки, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладки, где висела шляпа, было аршина два, так что достать ее нельзя было иначе, как выпустить из рук веревку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладку. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил веревку и ступил на перекладку, покачивая руками, все замерли от страха.

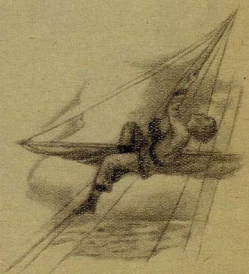
Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже и не оступился, а пошел до края перекладки и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты.

Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нес ружье, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте и тотчас же прицелился в сына и закричал: «В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!» Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай, или застрелю!.. Раз, два...», и как только отец крикнул: «три» — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлепнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть

его, как уже двадцать молодых матросов прыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтобы никто не видал, как он плачет.

АКУЛА

Наш корабль стоял на якоре у берега Африки. День был прекрасный, с моря дул свежий ветер; но к вечеру погода изменилась: стало душно, и точно из топленной печки несло на нас горячим воздухом с пустыни Сахары.

Перед закатом солнца капитан вышел на палубу, крикнул: «купаться!», и в одну минуту матросы попрыгали в воду, спустили в воду парус, привязали его и в парусе устроили купальню.

На корабле с нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали в воду, но им тесно было в парусе, и они вздумали плавать наперегонки в открытом море.

Оба, как ящерицы, вытягивались в воде и, что было силы, поплыли к тому месту, где был бочонок над якорем.

Один мальчик сначала перегнал товарища, но потом стал отставать. Отец мальчика, старый артиллерист, стоял на палубе и любовался на своего сынишку. Когда сын стал отставать, отец крикнул ему: «Не выдавай! понатужься!»

Вдруг с палубы кто-то крикнул: «акула!» — и все мы увидели в воде спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиков.

— Назад! Назад! Вернитесь! Акула! — закричал артиллерист. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смеялись и кричали еще веселее и громче прежнего.

Артиллерист, бледный, как полотно, не шевелясь смотрел на детей.

Матросы спустили лодку, бросились в нее и, сгибая весла, понеслись, что было силы, к мальчикам; но они

были еще далеко от них, когда акула уже была не дальше двадцати шагов.

Мальчики сначала не слышали того, что им кричали, и не видали акулы; но потом один из них оглянулся, и мы все услышали пронзительный визг, и мальчики поплыли в разные стороны.

Визг этот как будто разбудил артиллериста. Он сорвался с места и побежал к пушкам. Он повернул хобот, прилег к пушке, прицелился и взял фитиль.

Мы все, сколько нас ни было на корабле, замерли от страха и ждали, что будет.

Раздался выстрел, и мы увидали, что артиллерист упал подле пушки и закрыл лицо руками. Что сделалось с акулой и с мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дым застлал нам глаза.

Но когда дым разошелся над водою, со всех сторон послышался сначала тихий ропот, потом ропот этот стал сильнее, и наконец со всех сторон раздался громкий, радостный крик.

Старый артиллерист открыл лицо, поднялся и посмотрел на море.

По волнам колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. В несколько минут лодка подплыла к мальчикам и привезла их на корабль.

КАК ГУСИ РИМ СПАСЛИ

В 390-м году по Р. Х. дикие народы Галлы напали на Римлян. Римляне не могли с ними справиться, и которые убежали совсем вон из города, а которые заперлись в кремле. Кремль этот назывался Капитолий. Остались только в городе одни сенаторы. Галлы вошли в город, перебили всех сенаторов и сожгли Рим. В середине Рима оставался только кремль Капитолий, куда не могли добраться Галлы. Галлам хотелось разграбить Капитолий, потому что они знали, что там много богатств. Но Капитолий стоял на крутой горе: с одной стороны были стены и ворота, а с другой стороны был крутой обрыв. Ночью Галлы украдкой полезли из-под обрыва на Капитолий:

они поддерживали друг друга снизу и передавали друг другу копья и мечи.

Так они потихоньку взобрались на обрыв: ни одна собака не услышала их. Они уже полезли через стену, как вдруг гуси почуяли народ, загоготали, захлопали крыльями. Один Римлянин проснулся, бросился к стене и сбил под обрыв одного Галла. Галл упал и свалил за собою других. Тогда сбежались Римляне и стали кидать бревна и камни под обрыв и перебили много Галлов. Потом пришла помощь к Риму, и Галлов прогнали.

С тех пор Римляне в память этого дня завели у себя праздник. Жрецы идут наряженные по городу; один из них несет гуся, а за ними на веревке тащат собаку. И народ подходит к гусю и кланяется ему и жрецу; для гусей дают дары, а собаку бьют палками до тех пор, пока она не издохнет.

ЯБЛОНЯ

Я посадил двести молодых яблонь и три года, весной и осенью, окапывал их и на зиму завертывал соломой от зайцев. На четвертый год, когда сошел снег, я пошел смотреть свои яблони. Они потолстели в зиму, кора на них была глянцеви́тая и налитая; сучки все были целы, и на всех кончиках и на разви́лках сидели круглые, как горошинки, цветové почки. Кое-где уже лопнули распу́чки, и виднелись алые края цветových листьев. Я знал, что все распу́чки будут цветами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернул первую яблоню, я увидел, что внизу, над самой землей, кора яблони обгрызена кругом по самую древесину — как белое кольцо. Это сделали мыши. Я развернул другую яблоню — и на другой было то же самое. Из двухсот яблонь ни одной не осталось целой. Я замазал обгрызенные места смолой и воском, но когда яблони распустились, цветы их сейчас же спали. Вышли маленькие листики, и те завяли и засохли. Кора сморщилась и почернела. Из двухсот яблонь осталось только девять. На этих девяти яблонях кора была не кругом объедена, а в белом кольце оставалась полоска коры. На этих полосках, в том месте,

где сходилась кора, сделались наросты, и яблони хотя и побелели, но пошли. Остальные все пропали, только ниже обгрызенных мест пошли отростки, и то все дикие.

Кора у деревьев — те же жилы у человека: через жилы кровь ходит по человеку, и через кору сок ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет. Можно из дерева выдолбить все нутро, как это бывает у старых лозин, но только бы кора была жива — и дерево будет жить; но если кора пропадет — дерево пропало. Если человеку подрезать жилы, то он умрет, во-первых, потому, что кровь вытечет, а во-вторых, потому, что крови не будет уже ходу по телу.

Так и береза засыхает, когда ребята продолбят лунку, чтобы пить сок, и весь сок вытечет.

Так и яблони пропали оттого, что мыши объели всю кору кругом, и соку уже не было хода из кореньев в сучья, листья и цвет.

КАК ХОДЯТ ДЕРЕВЬЯ

Раз мы вычищали на полубугре подле пруда заросшую дорожку, много нарубили шиповника, лозины, тополя, — потом пришла черемуха. Росла она на самой дороге и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лет. А пять лет тому назад, я знал, что сад был чищен. Я никак не мог понять — как могла тут вырасти такая старая черемуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, в другой чаще, росла другая такая же черемуха, даже еще потолще. Я осмотрел ее корень и нашел, что она росла под старой липой. Липа своими сучьями заглушала ее, и черемуха протянулась аршин на пять прямым стеблем по земле; а когда выбралась на свет, подняла голову и стала цвести. Я срубил ее в корне, и удивился тому, как она была свежа и как гнил был корень. Когда я срубил ее, мы с мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, — не могли ее сдвинуть: она как будто прилипла. Я сказал: «посмотри, не зацепили ли где?» Работник полез под нее и закричал: «Да у ней другой корень, вот на дороге!» Я подошел к нему и увидел, что это была правда.

Черемуха, чтобы ее не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня. Тот корень, что я срубил, был гнилой и сухой, а новый был свежий. Она почуяла, видно, что ей не жить под липой, вытянулась, вцепилась сучком за землю, сделала из сучка корень, а тот корень бросила. Тогда только я понял, как выросла та первая черемуха на дороге. Она то же, верно, сделала, но успела уже совсем отбросить старый корень, так что я не нашел его.

ОТЧЕГО В МОРОЗЫ ТРЕЩАТ ДЕРЕВЬЯ

Оттого, что в деревьях есть сырость и сырость эта замерзает, как вода. Когда вода замерзнет, она раздается; а когда ей нет места раздаться, она разрывает деревья.

Если налить воды в бутылку и поставить на мороз, вода замерзнет и разорвет бутылку.

Когда из воды делается лед, то во льду этом такая си-

ла, что если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдом разорвет ее.

Отчего вода не сжимается, как железо, от холода, а раздается, когда замерзнет? Оттого, что когда вода замерзнет, ее частицы связываются между собою по-другому и промеж них больше пустых мест.

Для чего вода не сжимается, когда замерзнет? Для того, чтобы вода в реках и озерах не замерзала до дна.

Лед раздается от мороза, оттого делается легче воды и плавает на воде, и только снизу подмерзает и делается толще и толще, но никогда не замерзнет до дна. А если бы вода сжималась от мороза, как сжимается железо, то верхняя вода замерзала бы на реке и тонула бы, потому что лед был бы тяжелее воды. Потом опять бы замерзла верхняя вода и тонула бы, и так замерзли бы озера и реки от дна и доверху.

КАКАЯ БЫВАЕТ РОСА НА ТРАВЕ

Когда в солнечное утро летом пойдешь в лес, то на полях в траве видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами — и желтым, и красным, и синим. Когда подойдешь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце.

Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвешь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнет мимо стебля. Бывало сорвешь такую чашечку, потихоньку поднесешь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

КУДА ДЕВАЕТСЯ ВОДА ИЗ МОРЯ

Из родников, ключей и болот вода течет в ручьи, из ручьев в речки, из речек в большие реки, из больших рек течет в моря. С других сторон в моря текут другие реки,

и все реки текут в моря с тех пор, как мир сотворен. Куда девается вода из моря? Отчего она не течет через край?

Вода из моря поднимается туманом; туман поднимается выше, и из тумана делаются тучи. Тучи гонит ветром и разносит по земле. Из туч вода падает на землю. С земли стекает в болота и ручьи. Из ручьев течет в реки; из рек в море. Из моря опять вода поднимается в тучи, и тучи разносятся по земле.

ЧУТЬЕ

Человек видит глазами, слышит ушами, нюхает носом, отвеживает языком и щупает пальцами. У одного человека лучше видят глаза, а у другого хуже. Один слышит издали, а другой глух. У одного чутье сильнее и он слышит, чем пахнет издали, а другой нюхает гнилое яйцо, а не чувствует. Один ощупью узнает всякую вещь, а другой ничего наощупь не узнает, не разберет дерева от бумаги. Один чутье возьмет в рот, слышит, что сладко, а другой проглотит и не разберет, горько или сладко.

Так и у зверей разных разные чувства сильнее. Но у всех зверей чутье сильнее, чем у человека.

Человек, когда захочет узнать вещь, посмотрит ее, послушает, как она шумит, иногда понюхает и отвеживает; но человеку, для того чтобы узнать вещь, нужнее всего ее пощупать.

А для зверей — почти для всех — нужнее всего понюхать вещь. Лошадь, волк, собака, корова, медведь до тех пор не знают вещи, пока ее не понюхают.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркает — прочищает себе нос, чтобы лучше чуют, и до тех пор не перестанет бояться, пока не обнюхает.

Собака часто бежит за хозяином по следу, а увидит хозяина — испугается, не узнает и начнет лаять до тех пор, пока не обнюхает его и не узнает, что то, что ей на глаз страшно, есть самый ее хозяин.

Быки видят, как бьют быков, слышат, как ревет быки на бойне, и всё не понимают, что такое делается. Но стоит корове или быку найти на место, где бычачья кровь, да понюхать, и он поймет, начнет реветь, бить ногами, и его не отгонишь от того места.

У одного старика заболела жена; он пошел сам доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велела мужу надеть свою шубейку и платок на голову, — корова дала молока; но старик распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

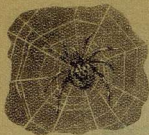
Гончие собаки, когда гоняют зверя по следу, то никогда не бегут по самому следу, а стороной, шагов на 20. Когда незнающий охотник хочет навесь собаку на след зверя и ткнет собаку носом в самый след, то собака всегда отскочит в сторону. Для нее след так сильно пахнет, что она ничего не разберет на самом следе и не знает, вперед или назад побежал зверь. Она отбежит в сторону и тогда только чует, в какую сторону сильнее пахнет, и бежит за зверем. Она делает то же, что мы делаем, если нам говорят громко над самым ухом: мы отойдем, и тогда издали только разберем, что говорят; или когда слишком близко от нас то, что мы рассматриваем, — мы отстранимся и тогда рассмотрим.

Собаки узнают друг друга и дают друг другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутье у насекомых. Пчела прямо летит на тот цветок, какой ей нужен. Червяк ползет к своему листу. Клоп, блоха, комар чуют человека на сотни тысяч клопиных шагов.

Если малы частицы те, которые отделяются от вещества и попадают в наш нос, то как же малы должны быть частицы те, которые попадают в чутье насекомых.

СЫРОСТЬ

Отчего паук иногда делает частую паутину и сидит в самой середине гнезда, а иногда выходит из гнезда и выводит новую паутину?

Паук делает паутину по погоде, какая есть и какая будет. Глядя на паутину, можно узнать, какая будет погода; если паук сидит, забившись в середине паутины, и не выходит, —

то к дождю. Если он выходит из гнезда и делает новые паутины, то это к погоде.

Как может паук знать вперед, какая будет погода?

Чувства у паука так тонки, что когда в воздухе начнет только собираться сырость, мы этой сырости не слышим, и для нас погода еще ясная, — для паука уже идет дождь.

Точно так же, как и человек раздетый сейчас почувствует сырость, а одетый не заметит ее, так и для паука идет дождь, когда для нас он только собирается.

* * *

Отчего зимою двери разбухают и не затворяются, а летом ссыхаются и притворяются?

Оттого, что осенью и зимою дерево насытится водой, как губка, и его разопрет, а летом вода выйдет паром, и оно съжится.

Отчего слабое дерево — осина — больше разбухает, а дуб меньше?

Оттого, что в крепком дереве — дубе — пустого места меньше и воде некуда набраться, а в слабом дереве — осине — пустого места больше и воде есть куда набраться. В гнилом дереве еще больше пустого места, и оттого гнилое дерево больше всего разбухает и больше садится.

Колоды для пчел делают из самого слабого и гнилого дерева: самые лучшие ульи бывают из гнилой лозины. Отчего это? Оттого, что через гнилую колоду проходит воздух и для пчел в такой колоде воздух легче.

Отчего доски коробятся?

Оттого, что неровно сохнут. Если приставить сырую

доску одной стороной к печке, вода выйдет, и дерево сожмется с этой стороны и потянет за собой другую сторону; а сырой стороне сжаться нельзя, потому что в ней вода, и вся доска погнется.

Для того чтобы не коробились полы, их режут из сухих досок на куски, и куски эти вываривают в кипятке. Когда из них вода вся выкипит, их клеят, и они уже не коробятся (паркет).

СОЛНЦЕ — ТЕПЛО

Выдь зимой в тихий морозный день в поле или в лес и посмотри кругом себя и послушай: везде кругом снег, реки замерзли, сухие травки торчат из-под снега, деревья стоят голые, ничто не шевелится.

Посмотри летом: реки бегут, шумят; в каждой лужице лягушки кричат, бубулькают; птицы перелетывают, свистят, поют; мухи, комары вьются, жужжат; деревья, травы растут, махаются.

Заморозь чугун с водой — он окаменеет. Поставь замороженный чугун на огонь: станет лед трескаться, таять, пошевеливаться; станет вода качаться, бульки пускать; потом, как станет кипеть, — загудит, завертится. То же делается и на свете от тепла. Нет тепла — все мертво; есть тепло — все движется и живет. Мало тепла — мало движенья, больше тепла — больше движенья, много тепла — много движенья, очень много тепла — и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свете? — Тепло от солнца.

Ходит солнце низко зимой, стороною, не упирает лучами в землю — и ничто не шевелится. Станет солнышко ходить выше над головами, станет светить в припор к земле — отогреется все на свете и начнет шевелиться.

Станет снег осаживаться, станет отдувать лед на реках. полетится вода с гор, поднимутся пары из воды в облака — пойдет дождь. Кто все это сделает? — Солнце. Отгают ссмячки, выпустят ростки, зацепятся ростки за землю и старых корней пойдут побеги, начнут расти деревья и травы. Кто это сделал? — Солнце.

Встанут медведи, троты; очнутся мухи, пчелы, выве-

дутся комары; выведутся рыбы из яичек на тепле. Кто все это сделал? — Солнце.

Разогреется в одном месте воздух — поднимается, а на его место пойдет воздух похолоднее — станет ветер. Кто это сделал? — Солнце.

Поднимутся облака, станут сходитья и расходиться — ударит молния. Кто сделал этот огонь? — Солнце.

Вырастут травы, хлеба, плоды, деревья; насытятся животные, напитаются люди, соберут корму и топлива на зиму; построят себе люди дома, построят чугушки¹, города. Кто все приготовил? — Солнце.

Человек построил себе дом. Из чего он его сделал? — Из бревен. Бревна вырублены из деревьев, деревья вырастило солнце.

Топится печка дровами. Кто вырастил дрова? — Солнце.

Ест человек хлеб, картофель. Кто вырастил? — Солнце.

Ест человек мясо. Кто выкормил животных, птиц? —

Травы. А травы вырастило солнце.

Человек строит каменный дом из кирпича и известки. Кирпич и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что людям нужно, что идет прямо на пользу, все это заготавливается солнцем и во все идет много солнечного тепла. Потому и нужен всем хлеб, что его растило солнце и что в нем много солнечного тепла. Хлеб греет того, кто его ест.

Потому и нужны дрова и бревна, что в них много тепла. Кто закупит дров на зиму, тот закупит солнечного тепла, и зимой, когда захочет, то и зажжет дрова и выпустит тепло солнечное себе в горницу.

А когда есть тепло, то есть и движенье. Какое ни на есть движенье — все от тепла: либо прямо от солнечного тепла, либо от тепла того, которое заготовило солнце в угле, в дровах, в хлебе и в траве.

Лошади, быки возят, люди работают. Что их двигает? — Тепло. А откуда они взяли тепло? — Из корма. А корм заготовило солнце.

Водяные и ветряные мельницы вертятся и мелют. Кто

¹ Чугунка — железная дорога.

их двигает? — Ветер и вода. А ветер кто гонит? — Тепло же. Оно подняло воду парами вверх, и без этого вода не падала бы книзу. Машина работает — ее движет пар. А пар кто делает? — Дрова. А в дровах тепло солнечное.

Из тепла делается движенье, а из движенья — тепло. И тепло и движенье — от солнца.

РУСАК

Заяц-русак жил зимою подле деревни. Когда пришла ночь, он поднял одно ухо, послушал; потом поднял другое, поводит усами, понюхал и сел на задние лапы. Потом он прыгнул раз, другой по глубокому снегу и опять сел на задние лапы и стал оглядываться. Со всех сторон ничего не было видно, кроме снега. Снег лежал волнами и блестел, как сахар. Над головой зайца стоял морозный пар, и сквозь этот пар виднелись большие яркие звезды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы притти на знакомое гумно. На большой дороге слышно было, как визжали полозья, фыркали лошади и скрипели кресла в санях.

Заяц опять остановился подле дороги. Мужики шли подле саней с поднятыми воротниками кафтанов. Лица их были чуть видны. Бороды, усы, ресницы их были белые. Из ртов и носов их шел пар. Лошади их были потные, и к поту пристал иней. Лошади толкались в хомутах, ныряли, выныривали в ухабах. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами

лошадей. Два старика шли рядом, и один рассказывал другому, как у него украли лошадь.

Когда обоз проехал, заяц перескочил дорогу и полегоньку пошел к гумну. Собачонка от обоза увидела зайца. Она залаяла и бросилась за ним. Заяц поскакал к гумну по субоям¹; зайца держали субои, а собака на десятом прыжке завязла в снегу и остановилась. Тогда заяц тоже остановился, посидел на задних лапах и потихоньку пошел к гумну. По дороге он, на зеленях², встретил двух зайцев. Они кормились и играли. Заяц поиграл с товарищами, покопал с ними морозный снег, поел озими и пошел дальше. На деревне было все тихо, огни были потушены. Только слышался плач ребенка в избе через стены да треск мороза в бревнах изб. Заяц прошел на гумно и там нашел товарищей. Он поиграл с ними на расчищенном току, поел овса из начатой кладушки, взобрался по крыше, занесенной снегом, на овин и через плетень пошел назад к своему оврагу. На востоке светилась заря, звезд стало меньше, и еще гуще морозный пар подымался над землею. В ближней деревне проснулись бабы и шли за водой; мужики несли корм с гумен, дети кричали и пла-

¹ Субой — снежный сугроб.

² Зеленья — молодые всходы хлеба, озимь.

кали. По дороге еще больше шло обозов, и мужики громче разговаривали.

Заяц перескочил через дорогу, подошел к своей старой норе, выбрал местечко повыше, раскопал снег, лег задом в новую нору, уложил на спине уши и заснул с открытыми глазами.

ЗАЙЦЫ

Зайцы лесные по ночам кормятся корою деревьев, зайцы полевые — озимями и травой, гуменники — хлебными зернами на гумнах. За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий, видный след. До зайцев охотники — и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его сейчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро,

враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то визг саней, то голоса мужиков, то треск волка по лесу и начинает от страху метаться из стороны в сторону. Проскачет вперед, испугается чего-нибудь — и побежит назад по своему следу. Еще услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — опять заяц повернется назад и опять поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет.

Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далеким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

(Рассказ охотника)

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушел.

Мы сошлись в лесу и стали судить, как нам быть: итти ли теперь отыскивать этого медведя, или подождать дня три, пока медведь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиков-медвежатников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя. Старик-медвежатник говорит: «Нельзя, надо медведю дать остепениться; дней через пять обойти можно, а теперь за ним ходить — только напугаешь, он и не ляжет».

А молодой мужик-медвежатник спорил с стариком и говорил, что обойти теперь можно. «По этому снегу, — говорит, — медведь далеко не уйдет, — медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догоню».

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать.

Я и говорю: «Да что спорить? Вы делайте, как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдем — хорошо, не обойдем — все равно делать нынче нечего, а еще не поздно». Так и сделали.

Товарищи пошли к саням, да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу. Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная; снег был глубокий и праховый. Осадки снега в лесу не было, да еще снежок выпал накануне, так что лыжи уходили в снег на четверть, а где и больше.

Медвежий след издалика был виден. Видно было, как шел медведь, как местами по брюхо проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала ввиду от следа, крупным лесом; а потом, как пошел след в мелкий ельник, Демьян остановился. «Надо, — говорит, — бросать след. Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал — на снегу видно.

Пойдем прочь от следа и круг дадим; только тише итти надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь от следа; влево. Прошли шагов пятьсот, глядим — след медвежий опять перед нами. Прошли мы опять по следу, и вывел нас этот след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошел медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где — как в лаптях мужик ступал по дороге. Видно, что пошел он к деревне.

Пошли мы по дороге. Демьян и говорит: «Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдет с дороги — вправо или

влево, видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдет же в деревню».

Прошли мы так по дороге с версту; видим впереди — след с дороги. Посмотрели — что за чудо! — след медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идет: пальцами к дороге. Я говорю: «Это другой медведь». Демьян посмотрел, подумал. «Нет, — говорит, — это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги сошел». Пошли мы по следу — так и есть. Видно, медведь прошел с дороги шагов десять задом, зашел за сосну, повернулся и пошел прямо. Демьян остановился и говорит: «Теперь, верно, обойдем. Больше ему и лечь негде, как в этом болоте. Пойдем в обход».

Пошли мы в обход по частому ельнику. Я уж уморился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевельный наедешь, зацепишь, то промеж ног елочка подвернется, то лыжа свернется без привычки, то на пень, то на колоду наедешь под снегом. Стал уж я уставать.

Снял я шубу, и пот с меня так и льет. А Демьян — как в лодке плавает. Точно сами под ним лыжи ходят. Не зацепит нигде, не свернется. И мою шубу еще себе за плечи перекинул и всё меня понукает.

Дали мы круг версты в три, обошли болото. Я уже от-

ставать стал, — лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подошел. Демьян пригнулся, шепчет и показывает: «Видишь — сорока над ломом щекочет; птица издалече его дух слышит. Это он».

Взяли мы прочь, прошли еще с версту и нашли опять на старый след. Так что мы кругом обошли медведя, и он в середине нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снял и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, и весь, как мышь, мокрый. И Демьян раскраснелся, рукавом утирается. «Ну, — говорит, — барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо».

А уж заря сквозь лес краснеть стала. Сели мы на лыжи отдыхать. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался, что я в жизни такого не ел. Посидели мы; уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни. «Да верст двенадцать будет. Дойдем ночью, а теперь отдохнуть надо. Надевай-ка шубу, барин, а то остудишься».

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснул. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где я заснул. Оглянулся я — что за чудо? Где я? Палаты какие-то белые надо мной, и столбы белые, и на всем блески блестят. Глянул вверх — разводы белые, а промеж разводов свод какой-то вороненый, и огни разноцветные горят. Огляделся я, вспомнил, что мы в лесу и что это деревья в снегу и в инее мне за палаты показались, а огни — это звезды на небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал; и на сучьях иней, и на шубе моей иней, и Демьян весь под инеем, и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу посовываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу голк раздастся. Один раз только — живое что-то зашумело близехонько от нас и прочь побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда за-

шумело, — увидали следы заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Итти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо, как пушок, липнет. А звезды вдоль по сучьям точно навстречу бегут, засветятся, потухнут, — точно всё небо ходуном ходит.

Товарищ спал, — я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня.

Вскочил я, смотрю: товарищ уж одет, с ружьем что-то возится.

— А где Демьян?

— Он уж давно в лесу. Уж и обклад поверил, сюда прибегал, а теперь повел загонщиков заводить.

Умылся я, оделся, зарядил свои ружья; сели в сани и поехали. Мороз все держал крепкий, тихо было, и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу. Видим: в низочке дымок синее, и народ стоит — мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики сидят, картошку жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повел их Демьян расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, тридцать человек — только по пояс их видно — зашли в лес; потом пошли мы с товарищами по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело итти; зато падать некуда, — как промежду двух стен идешь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим — уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтоб к нему шли.

Подошли мы к нему, показал нам места. Стал я на свое место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник; сквозь него далеко

видно, и за деревьями чернеется мне мужик-загонщик. Против меня частый молодой ельник в рост человека. И на ельнике сучья повисли и слиплись от снега. В середине ельника дорожка засыпана снегом. Дорожка эта прямо на меня идет. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвел курки и стал раздумывать, где бы мне получше стать. Сзади меня в трех шагах большая сосна. «Дай стану у сосны и ружье другое к ней прислоню». Полез я к сосне, провалился выше колен, обтоптал у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружье взял в руки, а другое с взведенными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу — кричит в лесу Демьян: «Пошел! в ход пошел! пошел!» И как закричал Демьян, на кругу закричали мужики разными голосами: «Пошел! Ууу!» кричали мужики. «Ай! И-их!» кричали бабы тонкими голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли, молчали и не шевелились, ждали медведя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружье, подрагиваю. Вот-вот, думаю, выскочит, прицелюсь, выстрелю, упадет... Вдруг налево слышу я — в снегу обваливается что-то, только далеко. Глянул я в высокий ельник: шагов на пятьдесят, за деревьями, стоит что-то черное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю — шевельнул он ушами, повернулся и назад. Сбоку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище! Нацелился я сгоряча. Хлоп! — слышу: шлепнулась об дерево моя пуля. Смотрю из-за дыма — медведь мой назад катит в обклад и скрылся за лесом. «Ну, — думаю, — пропало мое дело, теперь уж не набежит на меня; либо товарищу стрелять, либо через мужиков пойдет, а уже не на меня». Стою я, зарядил опять ружье и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу — непутем кричит какая-то баба: «Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сюда! Ой! ой! Ай, ай, ай!»

Видно — на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо на товарища. Смотрю — Демьян с палочкой, без лыж, по тропинке бежит к товарищу, присел подле него и палкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу — товарищ вскинул ружье, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп! — выпалил. «Ну, — думаю, — убил». Только, смотрю, не бежит товарищ за медведем. «Видно, промах или плохо попал, — уйдет, — думаю, — теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит!» Что такое? Впереди себя слышу вдруг — как вихрь летит кто-то, близехонько сыплется снег, и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямехонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав, и видно — со-страху сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден — грудь черная иловица огромная с рыжинкой. Летит прямехонько на меня лбом и сыплет снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу катит благим матом, куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскинул я ружье, выстрелил, — а уже он еще ближе. Вижу — не попад, пулю пронесло; а он и не слышит, катит на меня и всё не видит. Пригнул я ружье, чуть не упер в него, в голову. Хлоп! — вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, ослабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукою, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. «Ну, — думаю, — хорошо, что он бросил меня». Стал я подниматься, слышу — давит меня что-то, не пускает. Он с налету не удержался, перескочил через меня, да повернулся передом назад и навалился на меня всюю грудью. Слышу я — лежит на мне тяжелое; слышу — теплое над лицом, и слышу — забирает он в пасть все лицо мое. Нос мой уж у него во рту, и чую я — жарко и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу — зацепил он зубами, верхней челюстью, в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а

он торопится и как собака грызет — жамкнет, жамкнет. Я вывернусь — он опять забирает. «Ну, — думаю, — конец мой пришел». Слышу — вдруг полегчало на мне. Смотрю — нету его, соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидели, что медведь сбил меня в снег и грызет, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того, чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь всё грыз меня. А Демьян, как был, без ружья, с одной хворостинкой, пустился по дорожке, сам кричит: «Барина заел! Барина заел!» Сам бежит и кричит на медведя: «Ах ты баламутный! Что делает! Брось! Брось!»

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо; а сгоряча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я и забыл про рану, спрашиваю: «Где медведь, куда ушел?» Вдруг слышим: «Вот он! вот он!» Видим — медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не поспел никто выстрелить — уж он пробежал. Медведь остервенел, — хотелось ему еще погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидели, что из медвежьей головы идет кровь; хотели итти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шелком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а все ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть и выбит зуб.

Медведь этот был очень велик, и на нем прекрасная черная шкура.

Я сделал из нее чучелу, и она лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.

БУЛЬКА

У меня была мордашка. Ее звали Булька. Она была вся черная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большие, черные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он бывало уцепится за что-нибудь, то стиснет зубы и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нем держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал на

Кавказ, я не хотел брать его и ушел от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную¹, как вдруг увидал, что по дороге катится что-то черное и блестящее. Это был Булька в своем медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотал слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не успевал дышать; бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так верст двадцать в самый жар.

БУЛЬКА И КАБАН

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибежал со мной. Только что гончие погнажи, Булька бросился на их голос и скрылся в лесу. Это было в ноябре месяце: кабаны и свиньи тогда бывают очень жирные.

На Кавказе, в лесах, где живут кабаны, бывает много вкусных плодов: дикого винограду, шишек, яблок, груш, ежевики, желудей, терновнику. И когда все эти плоды поспеют и тронутся морозом, кабаны отъедаются и жиреют.

В то время кабан так бывает жирен, что недолго может бегать под собаками. Когда его погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается. Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. По лаю собак можно знать, стал ли кабан, или бежит. Если он бежит, то собаки лают с визгом, как будто их бьют, а если он стоит, то они лают, как на человека, и подвывают.

В эту охоту я долго бегал по лесу, но ни разу мне не удалось перебежать дорогу кабану. Наконец я услышал

¹ Перекладная. — До проведения железных дорог основным средством передвижения на больших расстояниях была езда на перекладных, то есть в экипаже с лошадьми, которые в пути менялись на специальных станциях, называвшихся почтовыми.

протяжный лай и вой гончих собак и побежал к тому месту. Уж я был близко от кабана. Мне уже слышен был треск по чаще. Это ворочался кабан с собаками. Но слышно было по лаю, что они не брали его, а только кружились около. Вдруг я услышал — зашуршало что-то сзади, и увидел Бульку. Он, видно, потерял гончих в лесу и спутался, а теперь слышал их лай и, так же как я, что было духу катился в ту сторону. Он бежал через полянку, по высокой траве, и мне от него видна только была его черная голова и закушенный язык в белых зубах. Я окликнул его, но он не оглянулся, обогнал меня и скрылся в чаще. Я побежал за ним, но чем дальше я шел, тем лес становился чаще и чаще. Сучки сбивали с меня шапку, били по лицу, иглы терновника цеплялись за платье. Я уже был близок к лаю, но ничего не мог видеть.

Вдруг я услышал, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабан стал отдуваться и захрипел. Я так и думал, что теперь Булька добрался до него и возится с ним. Я из последних сил побежал через чаще к тому месту. В самой глухой чаще я увидел пеструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трех шагах от нее возилось и чернело что-то.

Когда я подвинулся ближе, я рассмотрел кабана и услышал, что Булька пронзительно завизжал. Кабан захрюкал и посунулся на гончую; гончая поджала хвост и отскочила. Мне стал виден бок кабана и его голова. Я прицелился в бок и выстрелил. Я видел, что попал. Кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще. Собаки визжали, лаяли следом за ним; я по чаще ломился за ними. Вдруг почти у себя под ногами я увидел и услышал что-то. Это был Булька. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови. Я подумал, пропала собака; но мне теперь не до него было, — я ломился дальше. Скоро я увидел кабана. Собаки хватили его сзади, а он поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабан увидал меня, он сунулся ко мне. Я выстрелил другой раз почти в упор, так что щетина загорелась на кабане, и кабан захрипел, пошатался и всей тушей тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошел, кабан уже был мертвый и только то там, то тут его пучило и подергивало. Но собаки,

ощетинившись, одни рвали его за брюхо и за ноги, а другие лакали кровь из раны.

Тут я вспомнил про Бульку и пошел его искать. Он полз мне навстречу и стонал. Я подошел к нему, присел и посмотрел его рану. У него был распорот живот, и целый комок кишок из живота волочился по сухим листьям. Когда товарищи подошли ко мне, мы вправили Бульке кишки и зашили ему живот. Пока зашивали живот и прокалывали кожу, он все лизал мне руки.

Кабана привязали к хвосту лошади, чтобы вывезти из лесу, а Бульку положили на лошадь и так привезли его домой. Булька проболел недель шесть и выздоровел.

ФАЗАНЫ

На Кавказе диких кур зовут фазанами. Их так много, что они там дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся с кобылкой, с подсаду и из-под собаки. С кобылкой вот как охотятся: возьмут парусины, натянут на рамку, в середине рамки сделают перекладину. А в парусине сделают прорешку. Эта рамка с парусиной называется кобылкой. С этой кобылкой и с ружьем на заре выходят в лес. Кобылку несут перед собою и высматривают в прорешку фазанов. Фазаны по зарям кормятся на полянках. Иногда целый выводок — наседка с цыплятами, иногда петух с курицей, иногда несколько петухов вместе.

Фазаны не видят человека, не боятся парусины и подпускают к себе близко. Тогда охотник ставит кобылку, высовывает ружье в прореху и стреляет по выбору.

С подсаду охотятся вот как: пустят дворную собачонку в лес и ходят за ней. Когда собака найдет фазана, она бросится за ним. Фазан взлетит на дерево, и тогда собачонка начинает на него лаять. Охотник подходит на лай и стреляет фазана на дереве. Охота эта была бы легка, если бы фазан садился на дерево на чистом месте и сидел бы прямо на дереве — так, чтобы его видно было. Но фазаны всегда садятся на густые деревья, в чаще, и как завидят охотника, так прячутся в сучках. И бывает трудно пролезть в чаще к дереву, где сидит фазан, и трудно рас-

смотреть его. Когда собака одна лает на фазана, он не боится ее; сидит на сучке и еще петушится на нее и хлопает крыльями. Но как только он увидит человека, то сейчас же вытягивается по сучку, так что только привычный охотник различит его, а непривычный будет стоять подле и ничего не увидит.

Когда казаки подкрадываются к фазанам, то они надвигают шапку

на свое лицо и не глядят вверх, потому что фазан боится человека с ружьем, а больше всего боится его глаз.

Из-под собаки охотятся вот как: берут лягавую собаку и ходят за ней по лесу. Собака чутьем услышит, где на заре ходили и кормились фазаны, и станет разбирать их следы. И, сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдет последний след, выход с того места, где кормились. Чем дальше будет идти собака по следу, тем сильнее ей будет пахнуть, и так она дойдет до того места, где днем сидит в траве или ходит фазан. Когда она подойдет близко, тогда ей будет казаться, что фазан уж тут, прямо перед ней, и она всё будет идти осторожно, чтобы не спугнуть его, и будет останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдет совсем близко, тогда фазан вылетает, и охотник стреляет.

МИЛЬТОН И БУЛЬКА

Я завел себе для фазанов лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтон; она была высокая, худая, крапчатая по серому, с длинными брылами¹ и ушами; и очень сильная и умная. С Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Он бывало только пока-

¹ Брыла — губа.

жет свои зубы, и собаки поджимают хвосты и отходят прочь. Один раз я пошел с Мильтоном за фазанами. Вдруг Булька прибежал за мной в лес. Я хотел прогнать его, но никак не мог. А итти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думал, что он не будет мешать мне, и пошел дальше; но только что Мильтон почуял в траве фазана и стал искать, Булька бросился вперед и стал соваться во все стороны. Он старался прежде Мильтона поднять фазана. Он что-то такое слышал в траве, прыгал, вертелся; но чутье у него плохое, и он не мог найти следа один, а смотрел на Мильтона и бежал туда, куда шел Мильтон. Только что Мильтон тронется по следу, Булька забежит вперед. Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог с ним сделать. Как только Мильтон начинал искать, он бросался вперед и мешал ему. Я хотел уже итти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперед, Мильтон бросит след, повернет в другую сторону и притворится, что он ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнет хвостом и пойдет опять по настоящему следу. Булька опять прибегает к Мильтону, забегает вперед, и опять Мильтон нарочно сделает шагов десять в сторону, обманет Бульку и опять поведет меня прямо. Так что всю охоту он обманывал Бульку и не дал ему испортить дела.

ЧЕРЕПАХА

Один раз я пошел с Мильтоном на охоту. Подле леса он начал искать, вытянул хвост, поднял уши и стал принюхиваться. Я приготовил ружье и пошел за ним. Я думал, что он ищет куропатку, фазана или зайца. Но Мильтон не пошел в лес, а в поле. Я шел за ним и глядел вперед. Вдруг я увидал то, что он искал. Впереди его бежала небольшая черепаха, величиною с шапку. Голая темносерая голова на длинной шее была вытянута, как пестик; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ее вся была покрыта корой.

Когда она увидела собаку, она спрятала ноги и голову

и опустилась на траву, так что видна была только одна скорлупа. Мильтон схватил ее и стал грызть, но не мог прокусить ее, потому что у черепахи на брюхе такая же скорлупа, как и на спине. Только спереди, сзади и с боков есть отверстия, куда она пропускает голову, ноги и хвост.

Я отнял черепаху у Мильтона и рассмотрел, как у нее разрисована спина, и какая скорлупа, и как она туда прячется. Когда держишь ее в руках и смотришь под скорлупу, то только внутри, как в подвале, видно что-то черное и живое. Я бросил черепаху на траву и пошел дальше, но Мильтон не хотел ее оставить, а нес в зубах за мною. Вдруг Мильтон взвизгнул и пустил ее. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему рот. Он так рассердился на нее за это, что стал лаять, и опять схватил ее и понес за мною. Я опять велел бросить, но Мильтон не слушался меня. Тогда я отнял у него черепаху и бросил. Но он не оставил ее. Он стал торопиться лапами подле нее рыть яму. И когда вырыл яму, то лапами завалил в яму черепаху и закопал землю.

Черепахи живут и на земле и в воде, как ужи и лягушки. Дете й они выводят яйцами и яйца кладут на земле, не

высиживают их, а яйца сами, как рыба икра, лопаются и выводятся черепахи.

Черепахи бывают маленькие, не больше блюдечка, и большие, в три аршина длины и весом в двадцать пудов. Большие черепахи живут в морях.

Одна черепаха в весну кладет сотни яиц. Скорлупа черепахи — это ее ребра. Только у людей и у других животных ребра бывают каждое отдельно, а у черепахи ребра срослись в скорлупу. Главное же то, что у всех животных ребра бывают внутри, под мясом, а у черепах ребра сверху, а мясо под ними.

БУЛЬКА И ВОЛК

Когда я уезжал с Кавказа, тогда еще там была война, и ночью опасно было ездить без конвоя.

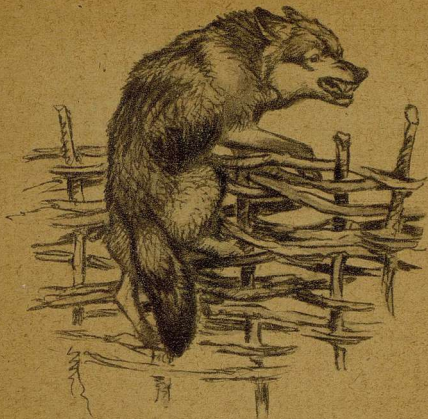
Я хотел выехать как можно раньше утром и для этого не ложился спать.

Мой приятель пришел провожать меня, и мы сидели весь вечер и ночь на улице станицы перед моей хатой.

Была месячная ночь с туманом, и было так светло, что читать можно, хотя месяца и не видно было.

В середине ночи мы вдруг услышали, что через улицу на дворе пищит поросенок. Один из нас закричал: «Это волк душит поросенка!»

Я побежал к себе в хату, схватил заряженное ружье и выбежал на улицу. Все стояли у ворот того двора, где пищал поросенок, и кричали мне: «Сюда!» Мильтон бросился за мной, — верно, думал, что я на охоту иду с ружьем; а Булька поднял свои короткие уши и метался из стороны в сторону, как будто спрашивал, в кого ему велят вцепиться. Когда я побежал к плетню, я увидел, что с той стороны двора прямо ко мне бежит зверь. Это был волк. Он подбежал к плетню и вскочил на него. Я отстранился от него и приготовил ружье. Как только волк соскочил с плетня в мою сторону, я приложился почти в упор и спустил курок; но ружье сделало «чик» и не выстрелило. Волк не остановился и побежал через улицу. Мильтон и Булька пустились за ним. Мильтон был близко от волка,

но, видно, боялся схватить его; а Булька, как ни торопился на своих коротких ногах, не мог поспеть. Мы бежали, что было силы, за волком, но и волк и собаки скрылись у нас из виду. Только у канавы, на углу станицы, мы услышали подлаиванье, визг и видели сквозь месячный туман, что поднялась пыль и что собаки возились с волком. Когда мы прибежали к канаве, волка уже не было, и обе собаки вернулись к нам с поднятыми хвостами и рассерженными лицами. Булька рычал и толкал меня головой, — он, видно, хотел что-то рассказать, но не умел.

Мы осмотрели собак и нашли, что у Бульки на голове была маленькая рана. Он, видно, догнал волка перед канавой, но не успел захватить, и волк огрызнулся и убежал. Рана была небольшая, так что ничего опасного не было.

Мы вернулись назад к хате, сидели и разговаривали о том, что случилось. Я досадовал на то, что ружье мое осеклось, и все думал о том, как бы тут же на месте остался волк, если бы оно выстрелило. Приятель мой удивлялся, как волк мог залезть на двор. Старый казак говорил, что тут нет ничего удивительного, что это был не волк, а что это была ведьма и что она заколдовала мое ружье. Так мы сидели и разговаривали. Вдруг собаки бросились, и мы увидали на середине улицы, перед нами, опять того же волка, но в этот раз он от нашего крика так скоро побежал, что собаки уже не догнали его.

Старый казак после этого уж совсем уверился, что это был не волк, а ведьма; а я подумал, что не бешеный ли это волк, потому что я никогда не видывал и не слыхивал, чтобы волк, после того как его прогнали, вернулся опять на народ.

На всякий случай я посыпал Бульке на рану пороху и зажег его. Порох вспыхнул и выжег больное место.

Я выжег порохом рану затем, чтобы выжечь бешеную слюну, если она еще не успела войти в кровь. Если же попала слюна и вошла уже в кровь, то я знал, что по крови она разойдется по всему телу, и тогда уже нельзя вылечить.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С БУЛЬКОЙ В ПЯТИГОРСКЕ

Из станицы я поехал не прямо в Россию, а сначала в Пятигорск и там пробыл два месяца. Мильтона я подарил казаку-охотнику, а Бульку взял с собой в Пятигорск.

Пятигорск так называется оттого, что он стоит на горе Беш-тау. А Беш — по-татарски значит пять, тау — гора. Из этой горы течет горячая серная вода. Вода эта горяча, как кипяток, и над местом, где идет вода из горы, всегда стоит пар, как над самоваром. Все место, где стоит город, очень веселое. Из гор текут горячие родники, под горой течет речка Подкумок. По горе — леса, кругом — поля, а вдалеке всегда видны большие Кавказские горы. На этих горах снег никогда не тает, и они всегда белые, как сахар. Одна большая гора Эльбрус, как сахарная белая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячие ключи приезжают лечиться; и над ключами сделаны беседки, навесы, кругом разбиты сады и дорожки. По утрам играет музыка, и народ пьет воду или купается и гуляет.

Самый город стоит на горе, а под горой есть слобода. Я жил в этой слободе в маленьком домике. Домик стоял на дворе, и перед окнами был садик, а в саду стояли хозяйские пчелы — не в колодах, как в России, а в круглых плетушках. Пчелы там так смиренны, что я всегда по утрам с Булькой сиживал в этом садике промежду ульев.

Булька ходил промежду ульев, удивлялся на пчел, нюхал, слушал, как они гудят, но так осторожно ходил около них, что не мешал им, и они его не трогали.

Один раз утром я вернулся домой с вод и сел пить кофе в палисаднике. Булька стал чесать себе за ушами и греметь ошейником. Шум тревожил пчел, и я снял с Буль-

ки ошейник. Немного погодя я услышал из города с горы странный страшный шум. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шум этот спускался с горы и подходил все ближе и ближе к нашей слободе. Булька перестал чесаться, уложил свою широкую голову с белыми зубами промеж передних белых лапок, уложил и язык, как ему надо было, и смиренно лежал подле меня. Когда он услышал шум, он как будто понял, что это такое, насторожил уши, оскалил зубы, вскочил и начал рычать. Шум приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышел к воротам посмотреть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросил: «Что это такое?» Она сказала:

— Это колодники из острога ходят — собак бьют. Развелось много собак, и городское начальство велело бить всех собак по городу.

— Как, и Бульку убьют, если попадетсЯ?

— Нет, в ошейниках не велят бить.

В то самое время, как я говорил, колодники подошли уже к нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника в цепях. У двух колодников в руках были длинные железные крючья и у двух дубины. Перед нашими воротами один колодник крючком зацепил дворовую собачонку, притянул ее на середину улицы, а другой колодник стал бить ее дубиной. Собачонка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смеялись.

Колодник с крючком перевернул собачонку, и, когда увидал, что она издохла, он вынул крючок и стал оглядываться, нет ли еще собаки.

В это время Булька стремглав, как он кидался на медведя, бросился на этого колодника. Я вспомнил, что он без ошейника, и закричал: «Булька, назад!» — и закричал колодникам, чтобы они не били Бульку. Но колодник увидал Бульку, захохотал и крючком ловко ударил в Бульку и зацепил его за ляжку. Булька бросился прочь; но колодник тянул к себе и кричал другому: «Бей!» Другой замахнулся дубиной, и Булька был бы убит, но он рванулся, кожа прорвалась на ляжке, и он, поджав хвост, с красной

раной на ноге, стремглав влетел в калитку, в дом и забился под мою постель.

Он спасся тем, что кожа его прорвалась насквозь в том месте, где был крючок.

КОНЕЦ БУЛЬКИ И МИЛЬТОНА

Булька и Мильтон кончились в одно и то же время. Старый казак не умел обращаться с Мильтоном. Вместо того чтобы брать его с собой только на птицу, он стал водить его за кабанями. И в ту же осень секач-кабан¹ распорол его. Никто не умел его зашить, и Мильтон издох.

Булька тоже недолго жил после того, как он спасся от колодников. Скоро после своего спасения от колодников он стал скучать и стал лизать все, что ему попадалось. Он лизал мне руки, но не так, как прежде, когда ласкался. Он лизал долго и сильно налегал языком, а потом начинал прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но он не хотел. Я не стал давать ему руку. Тогда он стал лизать мой сапог, ножку стола и потом кусать сапог или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третий день он пропал, и никто не видал и не слышал про него.

Украсть его нельзя было, и уйти от меня он не мог; а случилось это с ним шесть недель после того, как его укусил волк. Стало быть, волк точно был бешеный. Булька взбесился и ушел. С ним сделалось то, что называется поохотничьи — стечка. Говорят, что бешенство в том состоит, что у бешеного животного в горле делаются судороги.

Бешеные животные хотят пить и не могут, потому что от воды судороги делаются сильнее. Тогда они от боли и от жажды выходят из себя и начинают кусать. Верно, у

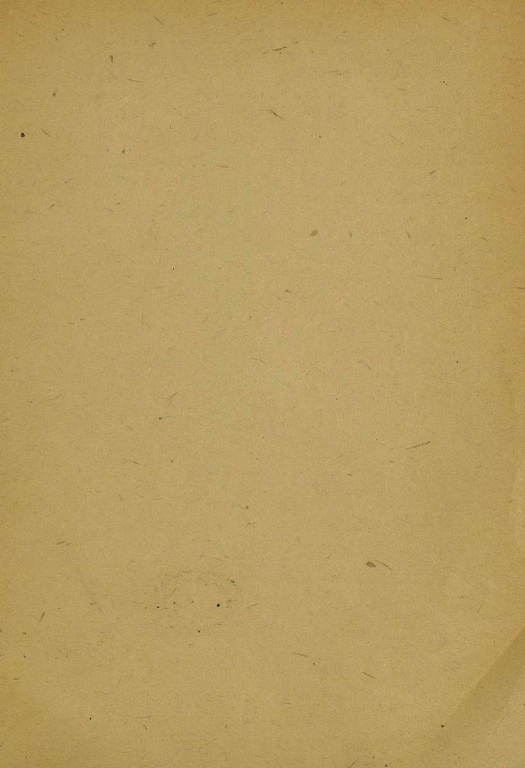
¹ Секач — двухгодовалый кабан с острым, незагнутым клыком.

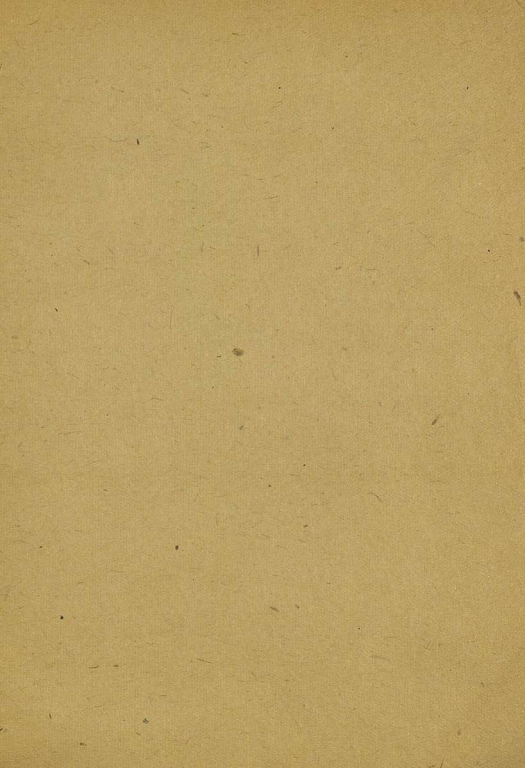
Бульки начинались эти судороги, когда он начинал лизать, а потом кусать мою руку и ножку стола.

Я ездил везде по округе и спрашивал про Бульку, но не мог узнать, куда он делся и как он издох. Если бы он бегал и кусал, как делают бешеные собаки, то я бы услышал про него. А, верно, он забежал куда-нибудь в глушь и один умер там. Охотники говорят, что когда с умной собакой делается стечка, то она убегает в поля или леса и там ищет травы, какой ей нужно, вываливается по росам и сама лечится. Видно, Булька не мог вылечиться. Он не вернулся и пропал.

23050.

1002

Цена ~~2 руб.~~